

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1950](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1950)

А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш

«СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА И СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Правильная ссылка на статью:

Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 528—548. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1950>.

For citation:

Antonovskiy A. Y., Barash R. E. (2021) The «System of Sociology» by Pitirim Sorokin and the systemic communicative approach. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 528–548. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1950>. (In Russ.)

«СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА И СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия; доцент философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: antonovski@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: raisabarash@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5899-973X>

Аннотация. В статье реконструируется ряд идей русско-американского социолога и философа Питирима Сорокина, сформулированных в российский период его творчества. Авторы анализируют программу автономизации социологии как трансдисциплинарной науки и показывают, что Сорокину удалось сформулировать фундаментальные положения системно-коммуникативного подхода в социальной теории, зафиксировать важнейшие предпосылки кристаллизации современного коммуникативно дифференцированного общества. Используя достижения современного ему естествознания, психологии, философии, лингвистики, эволюционной теории, Сорокин описал позитивную программу системно-коммуникативного подхода к исследованию общества, которая фактически

THE «SYSTEM OF SOCIOLOGY» BY PITIRIM SOROKIN AND THE SYSTEMIC COMMUNICATIVE APPROACH

Alexander Yu. ANTONOVSKIY^{1,2} — Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher; Associate Professor at the Faculty of Philosophy
E-MAIL: antonovski@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

Raisa E. BARASH³ — Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher
E-MAIL: raisabarash@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5899-973X>

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The authors of the paper reconstruct the contribution of Pitirim Sorokin, an outstanding Russian and American sociologist and philosopher, into the development of social ideas that he made during his Russian period of work. The authors pay special attention to the sociological autonomy program as a transdisciplinary science and note that Sorokin anticipated many ideas of the vastly influential at the time of his work system-communicative theory. He also articulated the most important prerequisites for the crystallization of the modern communicatively differentiated society. Basing on the knowledge of natural science, psychology, philosophy, linguistics, evolutionary theory, etc., Sorokin formulated a positive program of system and communicative approach to the study of society, which was embodied and thus

реализовалась и тем самым верифицировалась лишь десятилетия спустя в рамках коммуникативной теории Никласа Лумана. Эта программа включала в себя анализ «минимального проявления» общества, которое получило название «взаимодействие». Это понятие мы отождествляем с современным понятием «коммуникации».

Статья представляет собой частично переработанную версию английского текста Antonovskiy A. Y. (2020) Sorokin Pitirim Revisited. His place in Social Philosophy as a Transdisciplinary Thinker. Journal of Siberian Federal University, Social Sciences. Vol. 8. No. 13. P. 1250—1263; печатается с разрешения этого журнала.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория, взаимодействие, коммуникация, Питирим Сорокин, Никлас Луман

verified only decades later within the framework of the Niklas Luhman's theory. This program included an analysis of the minimal manifestation of society, which was called «interaction», and which could be identified with the modern concept of communication.

The paper is a partially revised version of the English text by Antonovskiy A. Y. (2020) Sorokin Pitirim Revisited. His place in Social Philosophy as a Transdisciplinary Thinker. Journal of Siberian Federal University, Social Sciences. Vol. 8. No. 13. P. 1250—1263; printed with permission from this journal.

Keywords: systems theory, interaction, communication, Pitirim Sorokin, Niklas Luhmann, political system, science system

Введение

Питирим Александрович Сорокин — один из немногих отечественных мыслителей, кто мог бы претендовать на статус классика социальной теории [Jeffries, 2002, 2009]. Стоит заметить, однако, что его роль в развитии теории социальной мысли связывают главным образом с культурно-историческим подходом, с его вкладом в организационную теорию [Peltonen, 2018] и религиоведение [Uzlaner, Stoeckl, 2018]. Мы рассмотрим некоторые идеи Сорокина, получившие систематическое изложение в так называемый «позитивистский этап» его творчества, в книге «Система социологии». Эта книга, столетний юбилей которой мы отметили в 2020 г., содержала в себе проект самоутверждения трансдисциплинарно ориентированной социальной теории. К сожалению, работа так и не была переведена на английский язык, а после эмиграции в США Сорокин существенно изменил фокус своего научного интереса в пользу, прежде всего, культурно-исторических и культур-социологических исследований.

Столетний юбилей этого выдающегося исследования служит хорошим поводом вспомнить о Питириме Сорокине именно как об одном из основателей социологии как строгой науки, поразмышлять о значении и перспективах этого уже отчасти забытого проекта — отечественной версии позитивистского обоснования социологии. Небезынтересно было бы проследить процесс рождения

российской социологии, которая с помощью и в лице Сорокина пытается защитить самостоятельность, отмежеваться от конкурирующих за ее поле дисциплин и зафиксировать собственное уникальное место в комплексной иерархии социальных наук.

Позднее, в период американской эмиграции, Сорокин сыграл ключевую роль в организации факультета социологии Гарвардского университета в 1930—1931 гг. — подобно тому, как десятью годами ранее он организовал социологический факультет Петроградского Университета. Однако, несмотря на его значение как теоретика и организатора науки, гораздо большее влияние в конечном счете приобрела структурно-функциональная версия социальной теории, на многие десятки лет утвердившаяся в качестве теоретической парадигмы для целого корпуса социальных наук. Развивавший ее молодой исследователь Толкотт Парсонс собрал вокруг себя группу ученых, предложивших комплексную и трансдисциплинарно ориентированную теорию общества, использующую достижения актуальной на то время культурной антропологии и социальной психологии. Развернувшаяся латентная, а зачастую и явная война концептов между функционалистской теорией Парсонса и культурно-историческим подходом Сорокина [Buxton, 1996] закончилась полной и безоговорочной победой функционализма. Ирония же этой ситуации состояла в том, что ранее разработанная Сорокиным концепция взаимодействия (как признавал и сам Сорокин [Coser, 1977: 490],) предвосхитила, а в чем-то и существенно опередила структурно-функциональную теорию, при том что сам мыслитель ее сурово критиковал [Sorokin, 1963: 251]¹. В то же время и структурный функционализм Парсонса, и концепция социокультурной динамики Сорокина, обосновывая притязания теоретической социологии на собственный объект, исходили не столько из предметной, сколько из *проблемно-ориентированной установки*. Они не только решали теоретические проблемы (определение объекта социологического анализа, содержание ключевых социологических понятий), но фиксировали проблему самого общества, аналитически реконструировали — в кантовском смысле — условия возможности социального порядка («Гоббсову проблему»). При этом Парсонс обосновал собственное решение, апеллируя к фактическому воспроизводству общества через базовые AGIL-функции, универсально воспроизводившиеся на всех уровнях системы действия, а Сорокин фиксировал некие «духовные и метафизические источники порядка» [Pitasi, 2014: 29].

Однако ранее в «Системе социологии» Сорокин обосновывал «дисциплинарные права» социологии иначе, имея в виду не столько конституирующую ее *проблему*, сколько конституирующий ее *предмет*, а именно — «взаимодействие». Ниже мы попытаемся воспроизвести основные идеи этого проекта, исходя из того, что ключевое для Сорокина понятие «взаимодействие» обладает теми же содержанием и объемом, что и понятие «коммуникации» в системно-коммуникативной теории общества. Наша задача состоит в том, чтобы посмотреть, какие идеи Сорокина, сформулированные в его «русский» период, предвосхитили достижения со-

¹ То, что концепция Сорокина конгениальна актуальной системно-коммуникативной версии социальной теории [Luhmann, 1997; Stichweh, 2015; Vaescker, 2006], не осталось незамеченным, но, тем не менее, этот временной приоритет связывают, скорее, с поздними исследованиями Сорокина [Pitasi, 2014: 28].

временной социальной теории, прежде всего, в ее системно-коммуникативной версии.

Битва за предмет и автономию социологии

Не успев родиться, социология, по мнению Сорокина, столкнулась с угрозой лишения ее собственного дисциплинарного домена. В нем, по всей видимости, не осталось ничего, что бы ни входило в предметный интерес других дисциплин (экономической науки, социальной антропологии, социальной психологии и т. д.). Требовалось защитить права на собственный участок в континуальном когнитивном пространстве внешнего мира науки, а значит — обеспечить легитимность социологии как полноценной социальной дисциплины. Питирим Сорокин воспринимает этот вызов со всей серьезностью — как научно-теоретическую и научно-организационную проблему. В этом смысле отвечать на этот вызов ему приходится дважды. В «Системе социологии» он теоретически обосновывает ее уникальный, еще не занятый другими дисциплинами, специфический домен «взаимодействия». Практически же он воплощает свой проект, организуя факультеты социологии в Петроградском (1919—1920) и Гарвардском (1930—1931) университетах.

На наш взгляд, то уникальное обстоятельство, что русский эмигрант занял лидерские позиции в процессе институционализации американской (и по большому счету, мировой) социологии не является чем-то естественно понятным, но должно получить объяснение. Во всяком случае, вряд ли речь здесь идет о простой игре случая, и эта ситуация не может описываться понятием «серендипности», придуманным его «неверным учеником» Робертом Мертоном [Merton, Barber, 2004]. Наша гипотеза состоит в том, что именно трансдисциплинарный характер социальной теории Сорокина и, как следствие, «перформативное» влияние его теоретического концепта на других ученых Гарварда могли бы объяснить успешную реализацию научно-организационного проекта Сорокина и ту поддержку, которую он получил в США.

В свой ранний период дисциплинарные притязания социологии Сорокин выводит не столько из ключевой проблемы социального порядка, сколько из *уникальности* ее предмета. Ее предмет — это «взаимодействия между людьми». Хотя речь идет об отношениях людей, сам человек как действующий и взаимодействующий индивид отходит в этом концепте на второй план. Концептуализируется и получает теоретический приоритет «категория между-человеческих отношений» [Сорокин, 1920: 8]. Каков же онтологический статус этого «между»? Очевидно, по крайней мере, что это «между людьми» само не является человеком, не представляет социальную группу или социальную систему, но обозначает некий уникальный класс объектов исследования — процессов взаимодействий. Уже здесь Сорокин заявляет о выходе к фронтиру трансдисциплинарности, обосновывая это тем, что такого рода процессы «взаимодействия между» изучаются в самых разных исследовательских областях (в биосоциологии, фитосоциологии и т. д.).

Утверждение автономии социологии Сорокин начинает с универсального позитивистского тезиса о «научности». Во-первых, «социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий

нормативизм из социологии как науки должен быть изгнан. Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов» [там же: IX]. Во-вторых, она должна быть объективной² и «превратиться из науки о „психических реальностях“, в изучающую явления, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие <...> „измерение“. В-третьих, «социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить „философствование“, отказаться от философски-умозрительных трактатов» [там же: X].

Границы автономии социологического домена Сорокин пытается «застолбить», отражая экспансию конкурирующих дисциплин. Он энергично отмечает «энергетический подход» Вильгельма Оствальда, в котором отношения индивидов редуцируются к физико-химическим действиям ньютоновских сил («сотрудничество есть сложения сил», а «организация — равновесие сил»). Отбрасывает Сорокин и иные более рафинированные виды «механицизма», включая взгляды Карла Маркса (как мы помним, ключевое понятие «труд», то есть механическая работа, определялся физическим временем как столь же механическим мерилем его стоимости), а также все виды биологического редукционизма³. Притязания психологии на домен социологии отклоняются Сорокиным по основанию различности объектов. Психика и сознание суть объекты психологии, а «межпсихические процессы общения, взаимные акции и реакции людей ее не интересуют». «Что именно происходит в душе и в теле сумасшедшего, для социолога не важно» [там же: 16]. Его интересует лишь симптомы, по которым общество признает человека сумасшедшим и общественные следствия сумасшествия. Задолго до Мишеля Фуко Сорокин приходит к мысли об общественном происхождении душевных недугов. Именно общество решает, что признавать нормальным, а что психически девиантным, а значит, и сам факт психического отклонения есть контингентный, социально- и культурно-исторически обусловленный факт.

Однако на завершающем такте своей «апологии социологии» Сорокин неожиданно оправдывает притязания других социальных наук на социологический домен:

Возьмем ли мы политическую экономию, или науку права, или науку о религии, или дисциплину, изучающую искусство, — все они, как и другие «социальные» науки, изучают явления человеческого взаимодействия [Сорокин, 1920: 21].

Уже в этом парадоксальном утверждении мы можем зафиксировать прямую аналогию с ключевым дифференциалистским тезисом системно-коммуникативной теории. Эта теория рассматривает обозначенные Сорокиным типы коммуникации (хозяйственные, правовые, религиозные) как объекты конкретных дисциплин («хозяйство общества», «политику общества», «науку общества», «право общества», «религию общества», «искусство общества» и т. д.) и включает их в свой домен

² Примечательно, что этот позитивистский тезис Сорокин провозглашает практически одновременно со знаменитым (и содержательно аналогичным) тезисом о недопустимости «ценностных суждений» в научных исследованиях и преподавании [Weber, 2017].

³ «... Авторы, пытающиеся рассматривать homo-социологию как часть биологии, например Ваксвейлер, принуждены выделять явления человеческого взаимодействия в самостоятельный класс, отличный от других видов взаимодействия организмов <...>» [Сорокин, 1920: 11].

[Luhmann, 1997]. Но значит ли это, что социология есть некоторое множество или корпус специальных дисциплин?

Является ли она [социология] простым ярлыком, обозначающим совокупность всех социальных дисциплин, или же она имеет самостоятельное существование как независимая, не сливающаяся ни с одной из социальных наук отрасль знания? [Сорокин, 1920: 22]

Нет — по мнению Сорокина, она сохраняет свое уникальное объектное поле даже после того, как его поделили между собой означенные социальные дисциплины. «Специализация и дифференциация наук <...> не только не исключают, а напротив, требуют синтетическую науку, обобщающую основные результаты анализа» [там же: 19].

Теорема Петражицкого, наблюдение второго порядка и понятие трансдисциплинарности

Этот трансдисциплинарный тезис о «генерализирующей социологии» Сорокин обосновывает, ссылаясь на «теорему Петражицкого». Существо последней состоит в претендующем на закономерность утверждении, что всякая *специальная наука* требует *метанауки*, фиксирующей инвариантный (родовой) объект или его модель. Эта модель — в той или иной спецификации — всегда реализуется на некотором множестве специальных дисциплин. Так, к ботанике и зоологии примыкает «генерализирующая дисциплина» — общая биология. Например, теория нравственности, по мнению Петражицкого, требует теории права, а теория права и теория нравственности требуют некоторой обобщающей теории, скажем, социологии права, и т.д.⁴.

Ссылаясь на теорему Петражицкого, Сорокин формулирует концепт наблюдения второго и последующих порядков. Эта идея генерализирующей, трансдисциплинарно ориентированной науки сегодня получила общее признание в системно-коммуникативной теории, выделяющей два типа трансдисциплинарных наук:

...фиксирующих инвариантности, позволяющие охватить классы проблем нескольких дисциплин, сначала казавшиеся гетерогенными <...> С одной стороны, речь идет о моделях и понятиях (находящихся в распоряжении формальных дисциплин, прежде всего, математики и логики), которые имеют дело с трансцендентальными концептами, повышающими степень интеграции научной системы, обеспечивают доступ и понимание передового научного знания <...> Второй тип трансдисциплинарных концептов мы встречаем в понятийных системах «структурализма» и «общей теории систем», отличающихся от формальных дисциплин тем, что они своим происхождением обязаны специфическим дисциплинарным контекстам и областям происхождения специфических феноменов (язык, организмы), которые используются как феномены-парадигмы [Stichweh, 2013: 25].

⁴ Сама теорема звучит так: «Если есть n видов сродных предметов, то теоретических наук, вообще теорий должно быть $n+1$; напр., при наличии 2-х видов требуется $2+1 = 3$ » то есть «еще одна дисциплина, излагающая свойственное общему роду» [Петражицкий, 1905: 80].

Примечательно, что, обосновывая свой тезис, Сорокин привлекает достижения современной ему философии естествознания, что, очевидно, противоречит самоустановленному запрету на всякое философствование. В частности, используется идея Э. Маха и Г. Лейбница об «экономии усилий» или «экономии мышления». Сорокин прямо связывает теоретическую социологию в том числе и с мнемонической функцией. Он эксплицитно ссылается на законы Ньютона в интерпретации, данной Эрнстом Махом, хотя имя последнего по понятным причинам нигде не называет: «Ньютон совершил лишь переход от сил между телами конечных размеров к рассмотрению сил между бесконечно малыми частицами. Переход сопряжен с такой экономией умственной энергии», которая компенсирует неспособность памяти «удерживать каждый установленный единичный факт», и «запас наблюдений резюмируется в краткой формуле» [Сорокин, 1920: 29].

Именно махова мнемонически-техническая функция «экономии усилий» становится одним из основных алиби социологии, которая, с одной стороны, претендует — в этой функции — на уникальность и автономию, а с другой — как мета-наблюдающая дисциплина «представляет» конкретные достижения и «единичные факты» других социальных наук [там же: 31—32].

При этом трансдисциплинарность в исполнении Сорокина выказывает и специфичность. Ее задачи более широки. Они не сводятся к обобщению различных явлений посредством рамочного понятия *взаимодействия*. Особое значение придается выявлению взаимозависимостей между специальными (обобщаемыми социологией) дисциплинами:

Различные разряды явлений взаимодействия, изучаемые отдельными науками, например явления экономические, религиозные, правовые, эстетические и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и влияют одни на другие. Заработная плата рабочих, например, зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. <...> Разделение труда определенным образом связано с явлениями солидарности. Экономическая организация общества зависит часто от форм религиозных верований. Географические условия определенным образом влияют и на организацию производства, и на строй семьи, и на обычаи народа <...> [там же: 33].

Поэтому любой специалист «вынужден выступать как социолог и как „не специалист“» [там же], а каждый специалист есть всегда и социолог.

Структура теоретической социологии

К важным достижениям молодого соперника Сорокина — Толкотта Парсонса — принято относить то качество его теории, которое позволило связать микроуровень социологического анализа (теорию действия в смысле Макса Вебера) с макроуровнем больших социальных систем (идею разделения общественного труда Эмиля Дюркгейма). «Именно Парсонс со всей ясностью понял, что действие нельзя отделить от системы» [Ваескер, Luhmann, 2002: 21]. Но в «Системе социологии» Питирима Сорокина, в рамках его «социальной аналитики», эта идея была выдвинута и обоснована гораздо раньше:

Предметом социальной аналитики является изучение строения (структуры) социального явления и его основных форм, этот отдел распадается на два основных подотдела: 1) на социальную аналитику, изучающую строение простейшего социального явления, разложение его на элементы, на систематику основных его форм и 2) на социальную аналитику, изучающую строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений [Сорокин, 1920: 38].

При этом, как мы указали выше, Сорокин не просто опережает Парсонса, он осуществляет ту самую сдвигу в «системных референциях», которую позднее сделал Никлас Луман, перейдя от анализа системы действия как элементарного социального явления, в своих массивах образующего «зернистый субстрат общества», к анализу коммуникации как элементарной формы существования общества. Так, говоря о «взаимодействии», Сорокин, на наш взгляд, ведет речь о коммуникации почти в том же смысле, как ее понимал Никлас Луман.

Структурно «взаимодействие» у Сорокина описывается ссылкой на «взаимодействующих лиц» (аналогично дистинкции *Ego/Alter Ego* у Никласа Лумана). Динамически «взаимодействие» у Сорокина распадается на последовательности «действий-раздражений» и «внутренних состояний-переживаний» (аналогично дистинкции действия/переживания Никласа Лумана).

С нашей точки зрения, эта структура предвосхищает те самые «конstellации атрибуций» (*Ego / Alter Ego*; действие/переживание), позволяющие — в их разных анатомических комбинациях — описывать типологию коммуникативных макросистем (политики, науки, хозяйства, религии, искусства).

Прежде чем анализировать структуру взаимодействия Сорокина, воспроизведем в общих чертах подход Лумана к макросистемам коммуникаций. Коммуникативные системы выстраиваются из подсоединяющихся друг к другу элементов (сообщений). Это происходит путем выстраивания собственной сложности системы в процессе редукции сложности внешнего мира. Однако каждая система делает это по-своему, используя уникальные смысловые бинарные коды, которые и обеспечивают «подсоединение системных операций». Так, политик как участник (*Ego*) политической коммуникации, в рамках которой принимаются политические решения, субординирует свои действия с действиями некоторого более высокопоставленного Другого (*Alter Ego*). Напротив, исследователь (*Ego*) как участник научной коммуникации удостоверяет и обосновывает свои научные сообщения, координируя свои переживания (в самом широком смысле этого слова — наблюдения, восприятия внешнего мира и т. д.) с наблюдениями и восприятиями других ученых, или обобщенного Другого (*Alter Ego*). Это не значит, что наука состоит из «переживаний» как элементов научной коммуникации. Она лишь «стилизирована» под коммуникацию, где подсоединение сообщений обосновывается ссылками (атрибуциями) на переживания, что роднит ее с разного рода ценностной коммуникацией, основанной на интегрирующей силе апелляции к тем или иным ценностям (ценностно сплачивающим переживаниям).

В этом смысле наука занимает верхнюю левую ячейку на схеме, состоящей из четырех типовых конstellаций (*Ego / Alter Ego* и действие/переживание, см. рис. 1). Каждая из этих четырех логически возможных конstellаций характери-

зует то, как участники самых разных систем (науки, системы интимных отношений, хозяйства, искусства, политики и т. д.) приписывают соответствующие значения своим сообщениям, обеспечивая их интеграцию в последовательности.

Рис. 1. Схема приписывания смыслов действий и переживаний Эго и Другому⁵

	Эго переживает	Эго действует
Другой переживает	<p>Истина и ценности</p> <p>В науке переживания Эго (например, данные экспериментов, удостоверяющих истинность теоретических положений) должны подтверждаться переживаниями любого Другого.</p> <p>Ценности должны удостоверить общность чувств членов общества.</p>	<p>Любовь</p> <p>Эго своими действиями пытается вызвать переживания Другого.</p>
Другой действует	<p>Деньги — Собственность, Искусство</p> <p>Действия Другого (скажем, притязания на материальные блага) не вызывают ответных действий, а спокойно переживаются Эго, поскольку Другой имеет право собственности или платит.</p> <p>Художник действует, а зритель переживает.</p>	<p>Власть</p> <p>Действия Другого влекут действия Эго, если они регулируются властью. Личные переживания должны быть устранены из сферы политической и военной коммуникации.</p>

Согласно приведенной на рис. 1 схеме, четыре возможные комбинации базовых элементов (переживания/действие, Я/Другой) воспроизводятся у Лумана в соответствующих макросистемах и задает их типологию.

Это прорывная идея Лумана, связывающая структурные конститuentы элементарной коммуникации на микроуровне и специфику систем коммуникаций на макроуровне, была почти дословно предвосхищена Питиримом Сорокиным применительно к понятию взаимодействия.

Явление взаимодействия людей дано тогда, <...> когда изменение психических переживаний или внешних действий одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других) [Сорокин, 1920: 44].

«Игра артиста В доводит „до неистовства“ г-жу А.» — здесь воспроизводится элементарная структура коммуникации: Другой действует? Эго действует.

Далее Сорокин сначала эксплицитно фиксирует означенные элементы или составляющие «взаимодействия»:

- 1) Наличие двух или большого числа индивидов, обуславливающих переживания и действия друг друга,
- 2) Наличие действий, посредством которых они обуславливают взаимные переживания и поступки,

⁵ Рисунок представляет собой расширительную интерпретацию соответствующей схемы «конstellации приписывания смыслов» Никласа Лумана [Луман, 2005: 173].

3) *Наличность проводников⁶, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому,*

— а затем, эксплицитно фиксирует переход от элементарного уровня коммуникации-взаимодействия на макроуровень общественной жизни:

Всякий исследователь того, что называют явлениями общественной жизни, <...> должен найти простейший случай их проявления, упрощенную и маленькую модель их, изучая которую, он получил бы возможность смотреть на все более сложные факты как на комбинацию этих простейших случаев или как на усложненный до бесконечности образец этой модели [там же: 87].

Утверждение Сорокина о том, что те или иные констелляции переменных коммуникации («взаимодействия») задают типологию макросистем, могло бы — в случае принятия современниками — положить начало системно-коммуникативной теории, но этого, к сожалению, не случилось. При этом Сорокин предлагает номенклатуру не только коммуникативных макросистем (экономики, искусства, религии, права, науки), но и указывает на некие «недозревшие» формы социальности, которые сегодня принято называть социальными движениям протеста [Luhmann, Hellmann, 1996].

На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений экономических и кончая отношениями эстетическими, религиозными, правовыми и научными. <...> Разложив взаимодействия на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления. <...> Из комбинаций процессов взаимодействия можно соткать любое общественное явление, начиная с галдежа толпы, и кончая систематической борьбой мирового пролетариата [Сорокин, 1920: 81].

Именно такое понимание макро- и микровзаимодействия наталкивает Сорокина на современную идею системно-коммуникативной социологии науки: коммуникативной интеграции дисциплинарно разобщенной науки на основании ее, с одной стороны, *элементарной субстратности*, а с другой — *слоевой иерархичности*. Иерархичность науки предполагает, что некоторые базовые уровни замещаются в восходящем порядке более зрелыми (с методологической и теоретической точек зрения) и в этом смысле более авторитетными дисциплинами: физикой, химией, биологией, тогда как на верхних этажах размещаются более молодые — социология, психология и т. д. Эта иерархическая структура помогает молодым дисциплинам опираться на уже апробированную методологию поиска их элементарных объектов (атомов, клеток) и задействовать формы социально-структурной и ролевой организации, утвердившиеся в более зрелых науках. Вот как Питирим Сорокин формулирует связь элементарной субстратности и иерархичности наук:

⁶ В представленной выше модели переменных взаимодействия Никласа Лумана, как мы видели, присутствуют еще и соответствующие «генерализирующие коммуникативные медиа» (деньги, власть, истина и т. д.), интегрирующие и придающие смыслы внутрисистемным коммуникациям (в хозяйстве, политике, науке и т. д.).

Социолог <...> должен воспользоваться опытом других наук: химии и биологии. Подобно химику, разложившему весь пестрый мир неорганической природы на атомы, подобно биологу, изучающему явления жизни на клетке, социолог должен найти своего рода «социальную клетку», исследуя которую, он тем самым получил бы знание основных свойств общественных явлений; мало того — подобно химику, объясняющему все сложные предметы и явления неорганического мира комбинацией атомов и их соединений — молекул, подобно биологу, сумевшему разложить все организмы на их составные части — клетки и рассматривающему первые как комбинацию вторых, подобно им, простейшее явление, выделяемое социологом, должно быть таково, чтобы оно давало возможность смотреть на все так называемые общественные явления как на ту или иную комбинацию этих простейших явлений [там же: 78].

Эта дисциплинарно-интегративная функция «концептного трансферта» из зрелых дисциплин в становящиеся спустя сто лет стала общим местом системно-коммуникативной социологии науки:

Иерархия наук <...> есть важный фактор гомогенизации научного поля. Иерархизация дисциплин интенсифицирует обмен между дисциплинами и ведет к тому, что трансферты техник, моделей и теорий типически осуществляются в направлении <...> преимущественно из hard-дисциплин в soft-дисциплины. <...> Как правило, движение осуществляется из более продвинутых в менее продвинутые дисциплины, и формальные компетенции, порожденные в одной области, получают значимость в новых дисциплинах [Stichweh, 2013: 30].

Депсихологизация «внутренних состояний» и социологический «антигуманизм»⁷

Из четырех переменных или «констелляций атрибуции» (переживание/действии, Эго/Другой), конститутивных для реконструкции микро- и макросвязей, наиболее проблематичным полюсом, особенно для позитивистски ориентированной социальной теории, выступает «переживание» или «внутреннее состояние». Русский этап эволюции идей Сорокина принято рассматривать как позитивистский, но нам представляется, что это было бы некоторым упрощением. Его понимание «переживания» напоминает более позднюю «теорию идентичности» аналитической философии сознания Дж. Смарта и Ю. Плэйса [Smart, 1959] и функционалистской теории сознания в стиле Хилари Патнема. В частности, Сорокин обосновывает тезис, что всякое переживание так или иначе выражено внешним образом, поведенчески, действенно, а различие переживаний есть лишь следствие интерпретации, определяемой из той или иной наблюдательной позиции. То, что самому переживающему открывается в виде *квалиа*, внешнему наблюдателю открывается как нейрофизиологический процесс. Переживание может быть скрыто от наблюдения, но даже в этом случае на него может так или иначе

⁷ Термин «антигуманизм» указывает «радикально антигуманистический, радикально антирегиональный и радикально конструктивистский» характер коммуникативной теории [Lee, 2000: 323], устраняющей из своего предметного поля людей и их сознания как не составляющих вышеозначенный «зернистый субстрат» общества, а образующих его «внешний мир».

реагировать Другой: «психический процесс и процессы в мозгах неотделимы друг от друга» [Сорокин, 1920: 48].

Сорокин рассматривает идеи Ч. Дарвина, Н. Лосского, Л. Петражицкого и их обоснования способностей акторов к интуитивной реконструкции ментальных актов собеседника как своего рода эволюционные достижения, как условие выживания и эволюционного отбора человеческого коллектива. И все-таки, солидаризируясь с Бехтеревым, он приходит к выводу о том, что «Чужое Я» как таковое остается недоступным. Гарантий доступа не дает ни интуиционизм, ни аналогия, ни вчувствование. Как следствие, в реконструкции внутренних состояний актору приходится довольствоваться лишь объективациями (речью, жестами и мимикой) как относительно достоверными выражениями внутренних состояний⁸.

Эта дискуссия о статусе ментальных состояний действующих («участников взаимодействий») в форме дилеммы субъективизм/объективизм, как известно, существенно повлияла на становление социологии. «Спрашивается, на чью сторону в этом споре должны мы стать? К которому из двух течений должны мы примкнуть?» [Сорокин, 1920, 63]. Предложенное Сорокиным решение может пониматься в системно-коммуникативном смысле. Он признает, что психические состояния сами по себе недоступны внешнему наблюдению, но — в отличие от типового бихевиориста — в такого рода недоступности он как раз и усматривает их релевантность для коммуникации. Ведь эта латентность, с одной стороны, провоцирует взаимодействие (=коммуникацию), а с другой — делает возможным то или иное понимание действия участника взаимодействия:

...нелепо было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности <...> ведь мы на каждом шагу ставим диагнозы; в роде таких: «Х не в духе»; «У что-то загрустил», «L гневается», «А в восторге», «С хочет сладкого», «Д замышляет подлость» и т. д. И наши диагнозы оправдываются <...> и в большинство случаев [мы] понимаем Друг Друга. <...> ежедневные и самые обычные факты говорят за то, что мы можем познавать чужие психические переживания на основе их внешних проявлений и чаще всего познаем правильно [там же: 63, 68].

В приведенных примерах речь, очевидно, идет о неких типовых или функциональных состояниях (в смысле Х. Патнема), которые задают определенные программы или алгоритмы поведения. Эти алгоритмы связывают и объясняют прошлые и будущие действия в рамках взаимодействия, делают возможными их предсказания, планирование собственного ответного поведения, обеспечивают так называемую «системную рекурсивность». Если использовать язык системно-коммуникативной теории, речь идет о *социальных ожиданиях*.

В этом смысле такие «психические явления, как любовь, привязанность, тяжелое и неожиданное горе, ужас потери» [там же: 69], как стандартные социальные ожидания, служат руководством к тому, как действовать в определенных случаях,

⁸ Примечательна ссылка Сорокина на высказывание И. П. Павлова, который «за 13 лет ни разу не воспользовался психологическим пониманием нервной деятельности для успеха дела» [Сорокин, 1920: 60]. Рискнем предположить, что печально известные эксперименты Павлова над беспризорниками [Ющенко, 1928] были со-обусловлены этим «методологическим безразличием» к «внутренним состояниям» детей.

где типические переживания вызывают типические действия. Эти состояния суть недостающие переменные, подстановка которых служит «ключом к декодированию» знаков и символов, данных оптически и акустически.

Так понятие «внутреннее переживание» на языке современной системно-коммуникативной теории выступает в функции выбора информации в сообщении. Понимание предложенного запроса на контакт возможно только в том случае, если через ссылку на внутреннее состояние мы поймем, как произнесенное сообщение связано с его возможными внутренне атрибутируемыми интерпретациями. Стоят ли внутренние состояния недовольства, равнодушия или импульсивности за выражением «выйди вон»? Досаду, злость или восторг вызывает выражение «черт побери»? Такие примеры извлечения информации из сообщения приводит Сорокин. *Коммуникативное понимание* (=связывание посланного сообщения Другого с извлекаемой из сообщения информацией) как раз и осуществляется путем (неизменно гипотетической) реконструкции внутренних состояний — посредников между сообщением и извлечением информации или смысла.

При этом «внутреннее состояние» именно в силу своей неопределенности делает необходимым дальнейшее взаимодействие (в форме вопрошания, уточнения, продолжения) и одновременно выступает условием многообразия внешних выражений, то есть свободы действий. «Нервная система, — пишет Сорокин, — как ткацкий станок шьет по стандартным образцам, но на каждый импульс может давать (в зависимости от ткача) различный продукт» [там же: 74].

Такого рода априори недостоверные, амбивалентные и неопределяемые извне «внутренние состояния» являются предпосылками и делают возможным свободный, но при этом системно канализированный характер взаимодействия (или коммуникации). Тем самым постулируется важнейшая либеральная идея свободной коммуникации, исключающей случаи в форме «профессор диктует, секретарь воспроизводит» [там же: 70]. На системно-коммуникативном языке это предполагало бы однозначную определенность информации посланным сообщением, что сделало бы избыточным всякую коммуникацию и всякое понимание⁹.

Данная Сорокиным концептуализация «внутренних состояний» как информационных ключей к декодированию стандартных и интерпретационно проблемных сообщений, обеспечивающих понимание в рамках взаимодействия, приводит к тем же самым «антигуманистическим» следствиям, в которых сегодня упрекают и системно-коммуникативную социологию [Schimank, 2005: 59—76].

...Индивид как индивид — никоим образом не может считаться микрокосмом социального макрокосма. Не может потому, что из индивида можно получить только индивида и нельзя получить ни того, что называется «обществом», ни того, что носит название «общественных явлений». <...> Далее — индивид как индивид не дает никакого основания для существования особой науки — социологии. Как физическая масса он изучается физико-химическими науками, как организм — биологией, как обладающее

⁹ Футуристические образы такого «некоммуникативного общения», в котором информация будет однозначным образом определяться посланным сообщением, а значит не будет требовать понимания как связывания информации с сообщением, сегодня действительно рассматриваются как возможные следствия разного рода нейрокомпьютерных интерфейсов [Ваескер, 2006: 37].

сознанием или психикой существо — психологией. Социологии с индивидом делать нечего, и потому она была бы излишней. Индивид не может быть искомой моделью того, что носит название общественных явлений [Сорокин, 1920: 79].

«Проводники взаимодействия» или теория генерализированных медиа коммуникаций

Идея обобщенных коммуникативных медиа — важнейшая часть системно-коммуникативной теории, являющейся результатом трансдисциплинарных заимствований достижений психологии и нейрофизиологии. Понятие медиа, которое сегодня стало обиходным, в развернутой теоретической форме концептуализировано австро-американским психологом Фрицем Хайдером (в докладе «Вещь и медиум» в 1927 г.) [Heider, Vaescker, 2005]. В этой форме данное понимание медиа стало интегративной частью социологии Н. Лумана [Luhmann, 1997: 190—413].

Сорокин развивает собственную трансдисциплинарную концепцию медиа, в которой роль транслятора отводится неким «проводникам».

Соприкосновение с рецепторами осуществляется не непосредственно, а лишь путем эманации особых сил (колебания эфира, действующие на зрительные органы, колебания воздушных волн, влияющие на органы слуха и т. д.) [Сорокин, 1920: 84].

Без проводников психика абсолютно не передаваема. Даже прямые физические прикосновения, посредством которых другому «передают» те или иные психические переживания (напр., жесты ласки, движения угрозы, «приветливая улыбка», «поцелуй любви» и т. д.) — даже они являются не прямой передачей психики, а передачей опосредствованной, передачей чрез проводники, каковыми в данном случае являются тела соприкасающихся людей и движения их органов [там же: 116].

При этом в качестве проводника взаимодействия может выступить все что угодно (устный язык, письмо, печать, электричество, самые разные акустические или оптические медиа). Основание их типологии заключается не в субстрате, а в существенных параметрах или функциях, прежде всего в специфических способах преодоления пространства и особенно времени, в оптимизации динамики общения. Как и в системно-коммуникативном подходе, Сорокин различает медиа распространения коммуникации (делающие взаимодействие более вероятным на больших расстояниях пространства-времени) и медиа коммуникативного успеха (деньги, власть, истина, вера и т. д.), обеспечивающие вероятность акцептации самых невероятных запросов на контакт в рамках макросистем коммуникации (притязаний на чужой продукт в хозяйстве, сверхсложных, скучных и непонятных формулировок в науке и т. д.).

1. Символическая функция проводников

Люди взаимодействуют друг с другом и физически, и психически, несмотря на громадные расстояния, отделяющие их друг от друга, и несмотря на громадное время, лежащее между ними. <...> Общаться могут живые и мертвые. Умерший своим завещанием (актом) вызывает переживания у наследников [Сорокин, 1920: 117].

Из этого тривиального обстоятельства Сорокин выводит понятие «символического значения проводника». Между физической формой сообщения и его символическим значением (информацией) нет жесткой связи. «Лоскут красной материи — это сообщение, но то, какой смысл из него извлекают, зависит от контекста понимания — времени, сообщества, предмета» [там же: 121]. Именно символический смысл медиума обеспечивает *причинную связь* поведения и переживаний. Каузальную роль играет не столько само первоначальное психическое состояние человека, вывесившего красный флаг, но скорее запущенные тем самым *социальные ожидания*, связанные с этими символами. Эти ожидания как носители кристаллизованных смыслов, по существу, представляют собой социальные структуры, задающие определенные ответы со стороны воспринимающих лиц, то есть не случайным образом канализируют взаимодействия.

2. Генерализирующая (социально обобщающая) функция проводников

Проводники обобщают не только тем, что символизируют и типизируют ситуации, задавая рамки и контексты для коммуникаций; не только индексируют — как символы — информацию, содержащуюся в сообщениях (красный цвет символизирует информацию в посылаемом сообщении). Такого рода смыслы-символы должны воспроизводиться на регулярной основе, что только и обеспечивает обобщение или интеграцию того или иного сообщества: «необходимо еще одно дополнительное условие, наличие более или менее однообразного проявления (символизования) одних и тех же переживаний взаимодействующими индивидами, что в свою очередь дает возможность правильного, однообразного толкования этих символических раздражений каждому из них» [там же: 122].

В понятии «символической воспроизводимости» Сорокин видит одно из решений проблемы социального порядка. Ни закрытость психики, ни вариативность истолкований символов и смыслов сообщений не препятствуют упорядоченности взаимодействий и поддержанию определенного социального порядка. «Понятно, что „чужая душа — потемки“ и что разгадать подлинные ее переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим, например, в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов (поступков обвиняемого), рисуют совершенно противоположные картины переживаний» [там же: 123]. Именно *символизм и воспроизводимость* (в данном случае правовой) нормы обеспечивают понимание и консенсус. Так Сорокин вплотную подходит к понятию «*символических генерализированных медиа коммуникаций*» — ключевому концепту современной системно-коммуникативной теории.

Дифференциации форм взаимодействия в зависимости от формы медиа

Представляется, что предложенное Сорокиным понятие проводников по меньшей мере с точки зрения их функционала почти эквивалентно понятию медиа системно-коммуникативной теории. Медиа ограничивают большие массивы реальных, потенциальных и одновременно осуществляющихся *слабо связанных* элементов или событий (предложений языка, массивов коммуникаций, распоряжений, платежей, истинностных высказываний, художественных актов и т. д.), которые — посредством

наложения на них соответствующих форм — организуются в системные последовательности. Или словами Сорокина: «Общественная жизнь людей, взятая в целом, похожа на громадный и непрерывно циркулирующий поток слов и их сочетаний, идущих от человека к человеку, от одних к другим» [там же: 127].

Чтобы эта тотальность общественных взаимодействий могла упорядочиваться и дифференцироваться в рамках обособленных макросистем, требуется редукция или организация этих массивов возможных событий с помощью тех или иных специальных «проводников» (например, акустических):

Любая встреча людей, всякий разговор между ними, любое собрание: научная лекция, политический митинг, парламентские, судебные и всякие иные заседания, религиозная проповедь, взаимодействие учителя с учениками, разговоры в семье, на рынке и т. д. — все это иллюстрации функционирования звуковых проводников и их социальной роли [там же: 128].

Современная системно-коммуникативная теория реконструирует общественное развитие как некий ответ на случающиеся время от времени относительно внезапные «коммуникативные катастрофы». Под ними понимаются трансформации коммуникативных медиа распространения информации. Эволюция этих медиа предстает как выстраивание и перестраивание все более сложных иерархий. Так, использование акустических медиа коммуникаций (звуковое распространение и устно-языковая вербализация смыслов) дополняет функционал оптических медиа (свет как «передатчик» взаимовосприятий и основа для языка жестов). Письменность меняет правовые, политические, экономические основы коммуникации, но затем — в свою очередь — дополняется еще более «революционными» коммуникативными медиа: печатью, телекоммуникацией, компьютерным обменом сообщениями и т. д. Экспансия новых медиа рассматривается в этой теории как решение определенной интеграционной задачи — минимизации предшествующих конфликтов, что не исключает создания новых. Одна из таких «коммуникативных катастроф» была связана с появлением новых оптических медиа, то есть письменности, «взорвавшей древний мир секретов и табу». Другая катастрофа была спровоцирована книгопечатанием, повлекшим религиозные войны и социальные революции [Ваескер, 2006: 11]¹⁰.

Письменность и печать, по мнению Лумана, позволили нейтрализовать потенциал к генерации конфликтов, существующий в акустических медиа, то есть в устном языке. Этот конфликтный потенциал был связан с тем, что по мере развития языка и перехода от «картинных» (конкретных, аналоговых) презентаций реальности к более абстрактной (последовательно-временной) вербализации сообщений кристаллизовались и соответствующие возможности социальной динамики. С одной стороны, новые ресурсы языка (временные формы глаголов и т. д.) позволили описывать процессы и изменения, с другой стороны, сама пропозицио-

¹⁰ «Письменность взрывает мир этих табу, делая морализацию чем-то очевидным и тем самым обеспечивая ее обоснования, всегда с учетом того, от кого приходят сообщения. <...> Печать стала следующей катастрофой, ведь теперь тексты стало возможным сравнивать друг с другом, а значит — систематически критиковать — благодаря их воспроизводству, так что „критика“ в большей чем когда-либо степени становится новой формой эвристики» [Ваескер, 2006: 11].

нальная форма предложения предоставляла возможность его отрицания, а значит, отклонения предложенных запросов на контакты [Luhmann, 1997: 205—291].

Сорокин развивает свою концепцию «проводников» именно в этом русле. Акустические проводники родовых обществ обеспечивали трансляцию аналоговых («картинных») образов, которые дают богатую элементами статическую картину восприятия, но не описывают процессы изменения. Слова выражают константные явления и в этом смысле отождествляются с вещами. Все трудности трансформации взаимодействий связываются с этим обстоятельством.

Языки низших обществ всегда выражают их идеи объектов и действий так, как эти предметы и события воспринимаются глазами и органами слуха; <...> здесь нет слов и жестов для выражения идей и переживаний абстрактных, а есть слова и жесты только для передачи абсолютно конкретных, единичных вещей и событий; отсюда — богатство первобытного языка существительными, предлогами и глаголами; язык представляет картинное воспроизведение, как бы рисунок, предмета или события [Сорокин, 1920: 172].

Одновременность актов восприятия и их устных вербализаций в родовых обществах обеспечивали консенсус, поскольку жизненные миры взаимодействующих индивидов существенно не различались. Конкретность языка не позволяла выходить за пределы актуальных восприятий окружающего мира. В отношении конституент «взаимодействия» это означало следующее: идентичность содержаний переживаний (внутренних состояний) и вербальных выражений обеспечивали схожесть *Эго* и *Другого*, предметов и символов, переживаний и действий (в том числе действий сообщений). Другими словами, примитивные языки небольших сообществ обеспечивали взаимную уверенность соплеменников в том, что некоторый Другой говорит и действует в соответствии с тем, что он думает и переживает, то есть уверенность в социальном согласии. Новый — оптический — медиум («свето-цветовые проводники» в терминах Сорокина) делает возможным различие предмета и его вербального представления. Иначе говоря, слова стали переменными естественного языка, а значит (помимо возможности утаивания намерений) появилась возможность более свободного обращения с ними, их моделирования отдельно от предметов, которые теперь представляли без «повреждения» предметный мир.

С возрастанием сложности общества, глобализации социального пространства и времени, устный язык (некогда конкретно и узнаваемого детализировавший окружающий внешний мир в рамках небольших, устно коммуницирующих сообществ) лишается функции социальной интеграции. Утрату этого функционала компенсирует новый медиум коммуникации. Им выступает письменность во всех ее производных (письменное право, письменные распоряжения власти, художественные и научные тексты, деньги), связывающая сообщество на огромных пространствах.

Хранилищами оптических медиа («световых проводников») и средством аккумуляции социальной памяти (и в этом смысле важнейшей культурно-исторической вехой, в долговременной перспективе обеспечивающей «взаимодействия» в пространственно-временном континууме) становятся библиотеки. С их помощью

выкристаллизовались медиа коммуникативного успеха, сделавшие возможными новые типы невероятных взаимодействий или коммуникаций. Эту выдающуюся социально-интегративную роль оптических проводников и библиотек как их хранилищ фиксирует Сорокин:

Всякая библиотека с этой точки зрения может рассматриваться как огромнейшая, сложнейшая телефонная станция, в которой посредством книг ежедневно сотни людей «соединяются» с множеством авторов, живых и мертвых, и неслышно ведут между собою беседу [Сорокин, 1920: 130].

Сто лет спустя эта идея оптических медиа как условия кристаллизации современного системно дифференцированного общества становится общепринятой.

Гарантии стабильности общества печати уже не могут обеспечиваться семьями и региональным своеобразием. Ни династии, ни границы территорий уже не могут сдерживать этот тип беспокойства и неуемности. На их место (конечно, не делая их избыточными) заступают, согласно Луману, библиотеки и функциональные системы. Библиотекари создают рубрики, в рамках которых политика распознает себя как политику, бизнес — как бизнес, наука — как науку, искусство — как искусство, религия — как религию [Ваеcker, 2006: 14].

Письменность (как и в целом оптические медиа или «световые проводники») меняет структуру социального времени и выводит взаимодействия за пределы ограниченной жизни человека и его индивидуальной памяти. Возникает феномен «телекоммуникации» в самом широком смысле, участниками которой становятся тексты (то есть сами коммуникации), а люди — со всеми их пространственно-временными ограничениями — становятся всего лишь «контактными звеньями цепи проводников», обеспечивают телетрансляцию текстов-коммуникаций по этим звеньям.

Новые медиа распространения коммуникации (письменность, печать, телекоммуникация) оказываются важнейшими условиями кристаллизации новых медиа коммуникативного успеха (власть, истина, деньги и т. д.) и в конечном счете — обособления коммуникативных систем. Эти процессы Сорокин реконструирует далее в своем труде «Система социологии».

Здесь мы вынуждены закончить реконструкцию трансдисциплинарного проекта Питирима Сорокина. Сорокину удалось предвосхитить многие идеи одной из самых влиятельных социальных теорий, зафиксировать важнейшие предпосылки кристаллизации современного коммуникативно дифференцированного общества. Используя достижения естествознания, психологии, философии, лингвистики, эволюционной теории, он сформулировал позитивную программу системно-коммуникативного подхода к исследованию общества, которая реализовалась и тем самым верифицировалась лишь десятилетия спустя в рамках системно-коммуникативной теории Никласа Лумана. Эта программа включала в себя анализ минимального проявления общества, которое получило название «взаимодействия», а мы с полным правом можем отождествить его с современным понятием

«коммуникации». Соответствующие конstellляции элементов этого «социального атома» задавали типологию макросистем мирового общества, а корреляции между микро- и макроуровнями получили убедительное описание и обоснование. Сорокин предложил собственную теорию «медиа трансляции коммуникации», названных им «проводниками», разработал типологию, описал функции и свойства символических средств и условий коммуникации, которые позднее были названы «медиа коммуникативного успеха».

Приоритет Сорокина в обозначенных нами областях исследования следует восстановить, что предполагает дальнейшую работу по реконструкцию его наследия с особым вниманием к российскому периоду его творчества.

Список литературы (References)

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1905.

Petrażycki L. I. (1905) An Introduction to the Study of Law and Morality: Emotional Psychology. S.-Peterburg: Yu. N. Ehrlich Printing House. (In Russ.)

Луман Н. Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М.: Логос, 2005.

Luhmann N. (2005) Die Gesellschaft der Gesellschaft. Kommunikationsmedien. Moscow: Logos. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии. Петроград: Издательское товарищество «КОЛОС», 1920.

Sorokin P. A. (1920) The System of Sociology. Petrograd: Publishing Company «KOLOS». (In Russ.)

Ющенко А. А. Условные рефлексы ребенка. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

Yushchenko A. A. (1928) Conditioned Reflexes of the Child. Moscow; Leningrad: State Publishing House.

Baecker D. (2006) Niklas Luhmann in the Society of the Computer. *Cybernetics & Human Knowing: A Journal of Second-Order Cybernetics, Autopoiesis, and Cyber-Semiotics*. Vol. 13. No. 2. P. 25—40.

Baecker D., Luhmann N. (2002) Einführung in die Systemtheorie. Frankfurt: Carl-Auer-Systeme Verlag.

Buxton W. (1996) Snakes and Ladders: Parsons and Sorokin at Harvard. In: Ford B. J., Richard M. P., Talbutt P. C., Wescott R. M. (eds.) *Sorokin & Civilization: A Centennial Assessment*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. P. 31—44.

Coser L. A. (1977) *Masters of Sociological Thought*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.

Heider F., Baecker D. (2005) *Ding und Medium*. Berlin: Kultverlag Kadmos.

Jeffries V. (2002) Integralism: The Promising Legacy of Pitirim Sorokin. In: Robinson M. A. (ed.) *Lost Sociologists Rediscovered*. New York, NY: Mellon Press. P. 99—135.

- Jeffries V. (2009) The Scientific System of Public Sociology: The Exemplar of Pitirim A. Sorokin's Social Thought. In: Jeffries V. (ed.) *Handbook of Public Sociology*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers. P. 107—122.
- Lee D. (2000) The Society of Society: The Grand Finale of Niklas Luhmann. *Sociological Theory*. Vol. 18. No. 2. P. 320—330. <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00102>.
- Luhmann N., Hellmann K. U. (1996) Protest: Systemtheorie und Soziale Bewegungen. Vol. 1256. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Luhmann N. (1997) Die Gesellschaft der Gesellschaft. 2 Bde. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Merton R. K., Barber E. (2004) The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Peltonen T. (2018) Revisiting the Sociological Origins of Organization Theory: The Forgotten Legacy of Pitirim Sorokin. In: Peltonen T., Gaggiotti H., Case P. (eds.) *Origins of Organizing*. Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781785368752.00008>.
- Pitasi A. (2014) The Sociological Semantics of Complex Systems. *Journal of Sociological Research*. Vol. 5. No. 1. P. 203—213.
- Schimank U. (2005) Luhmanns Analytischer Anti-Humanismus: Eine Halbiertheorie der Modernen Gesellschaft. In: *Differenzierung und Integration der Modernen Gesellschaft*. Weisbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. Springer. P. 59—76. https://doi.org/10.1007/978-3-322-80766-3_5.
- Smart J. J. C. (1959) Sensations and Brain Processes. *The Philosophical Review*. Vol. 68. No. 2. P. 141—156. <https://doi.org/10.2307/2182164>.
- Sorokin P. A. (1963) A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, CT: College and University Press.
- Stichweh R. (2013) Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen. Bielefeld Transcript-Verlag.
- Stichweh R. (2015) Comparing Systems Theory and Sociological Neo-Institutionalism: Explaining Functional Differentiation. In: Holzer B., Kastner F., Werron T. (eds.) *From Globalization to World Society. Neo-Institutional and Systems-Theoretical Perspectives*. New York, NY; London: Routledge. P. 23—36.
- Uzlaner D., Stoeckl K. (2018) The Legacy of Pitirim Sorokin in the Transnational Alliances of Moral Conservatives. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 133—153. <https://doi.org/10.1177%2F1468795X17740734>.
- Weber M. (2017) Wissenschaft als Beruf: Eine Debatte. Berlin: Matthes & Seitz Berlin Verlag.